

Образ наследия в культуре:**методологические подходы к изучению понятия наследия**

Все культуры – коль скоро мы принимаем их множественность, их безусловные различия, принципиальную несравнимость по внутренним критериям самоценности и оригинальности, их парадоксальные уникальности¹ – репрезентируя себя во времени и пространстве, предполагают свою вечность, бесконечность и потенциальную неуничтожимость, фактически – мыслимое здесь-и-сейчас бессмертие. Однако справедлив и другой, по существу онтологический тезис: каждая культура нуждается в некоем образном «зеркале», в котором оно сможет зафиксировать и закрепить свою столь необходимую уникальность. В качестве такого «зеркала» иногда выступает образ природы, но этого фундаментального образа становится мало, недостаточно, когда культуры сосуществуют, зная или предполагая друг друга. Тогда образуется, создается своего рода феноменологический «промежуток», «пустота», требующая либо когнитивного/образного заполнения, либо «сильного» в онтологическом плане операционального ответа – будь то построение огромной пирамиды или создание всеобъемлющей теории Вселенной, причем подобные ответы должны время от времени повторяться с учетом очередного возрождения и увеличения мыслимой феноменологической «пустоты»².

Как правило, любая жизнеспособная культура, способная исправно в течение многих человеческих поколений воспроизводить и усовершенствовать свои базовые образцы, а также, значительно реже, изобретать или вводить инновации в широкий обиход, разрабатывает свою собственную технологию «борьбы» с таким промежутком или пустотой. Видимый круг вещей и образцов, привычных и принятых данной культурой, транслируется, проецируется одновременно и в будущее, и в прошедшее чаще всего с помощью истории, которая возникает именно тогда и там, где культура хочет обрести «устойчивую вечность», гарантирующую ее бессмертие³. Но только этого недостаточно. Необходимо введение специфического образа и понятия,

¹ Ибо уникальность, исходя из традиционной логики, отталкивается от неуникальности чего-то другого, и, следовательно, она только одна, ее не может быть больше одной-единственной.

² Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Биbihина. – М.: Ad Marginem, 1997. – С. 383—384; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

³ См., например: Отпенхейм А. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. – С.114—136; Вейнберг И.П. Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. – М.: Наука. Восточная литература, Еврейский университет в Москве, 1993; Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры, 1997.

характеризующего и как бы страхующего уникальную вечность данной культуры в себе и для себя. Такой образ и понятие и есть *наследие*.

Наследие по существу может пониматься как определенный медиативный ментально-материальный культурный слой, как «кожа» культуры, необходимая ей для органичной жизни, воспроизводства и развития. Но вместе с развитием самой культуры происходит развитие и наследия, его образа, который меняется вместе с культурой, будучи ее неотъемлемой составляющей. Культура должна как бы следить за собой, вести свой собственный мониторинг, наблюдать за собственным развитием, и ее чувствительная «кожа», наследие – это одно из важных и эффективных средств подобного мониторинга.

Образ наследия в культуре наращивается самой культурой, как годовые древесные кольца. Возможен и другой вариант использования образа дерева при описании роли и значения образа наследия в культуре – это «кора» (инвариант «кожи») дерева-культуры, растущего во времени и пространстве, имеющих также культурные координаты. В любом случае, оба базовые органические образы наследия ориентированы на представления о развитии культуры вовне, в условное внекультурное пространство-время (по отношению к данной культуре), в рамках которого наследие выполняет защитные функции: оно как бы призвано остро ощущать благоприятность/неблагоприятность, дружелюбность/враждебность этой внешней «среды» для культурного развития.

Исходя из понимания наследия как некоего защитного слоя культуры, можно говорить о консерватизме наследия⁴, который становится иногда господствующей онтологической характеристикой определенной культуры в целом – как, например, древнеегипетской культуры на поздних этапах ее развития⁵. Подобный консерватизм наследия можно рассматривать двояко:

- как *культурный тормоз*, препятствующий здоровому и «конкурентно способному» развитию культуры в условиях инокультурного окружения и взаимодействия, что может привести к своего рода «застыванию» культуры, ее медленному «умиранию» и ее окончательному «отмиранию». Культура как бы становится наследием для самой себя, все «тело» культуры становится «кожей». И в таком случае сама культура умирает, а ее наследие воспринимается, сохраняется и интерпретируется другими культурами, но

⁴ Верно также и обратное: стремление консервативных политических и общественных движений, организаций, партий, фондов «приватизировать» в свою пользу образ и концепт наследия, овладеть дискурсом наследия в своих интересах (так, например, один из наиболее крупных политических фондов консервативного направления в США, ориентирующийся на республиканскую партию, носит название «Наследие»; в свою очередь конец политического существования СССР и начало политической истории постсоветской России были во многом связаны с идеологической борьбой вокруг наследия, права на которое в националистическом контексте пыталось «присвоить» общество «Память»).

⁵ Ассман Я. Указ. соч. С. 192—206.

уже как чужое, хотя и кровно важное наследие (например, античное наследие для европейской культуры, в том числе для русской культуры⁶, или византийское наследие для русской культуры⁷);

- как *культурную мембрану*, которая должна «процеживать» культурные вызовы и культурные образцы извне, со стороны других культур и цивилизаций⁸. В подобном случае культура нарабатывает, создает определенные ментальные и когнитивные шаблоны, стереотипы восприятия и интерпретации чужих культур и чужого культурного наследия. Внешним наблюдателем или исследователем это может восприниматься и как «культурное сопротивление»⁹, и как модель выборочных культурных заимствований в рамках господствующих автохтонных культурных традиций. Подобному пониманию соответствуют так называемые процессы культурной модернизации и в широком смысле «догоняющее» социокультурное и социально-экономическое развитие многих стран Восточной Европы, Латинской Америки, Азии, России в течение XX века¹⁰.

История человеческих культур и цивилизаций дает разные примеры и различные модели консерватизма наследия: можно выделить достаточно чистые примеры, соответствующие описанным выше двум основным вариантам; можно также обнаружить примеры смешанных моделей, в которых могут сочетаться – в разное время и на разных территориях – признаки обоих вариантов. В любом случае, такой консерватизм наследия является существенной чертой именно культурного развития, в ходе которого наследие – его образ, структура, содержание, интерпретации – само как бы незаметно меняется, становясь скрытой, латентной базой для возникновения и/или внедрения культурных инноваций; оно может быть скрытой ментальной областью, щадящей культурной средой,

⁶ См.: Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. – М.: Юрист, 1996. – С. 111—185; Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. – М.: Мысль, 1982. – С. 79—110; Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к Средневековью // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. – М.: Наука, 1976. – С. 17—65; Античное наследие в русской культуре. – М.: Институт наследия, 1996; Ср.: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. – М.: Мысль, 1993. – С. 157—160.

⁷ Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. – М.: Янус-К, 1998; Муратов П.П. Открытия древнего русского искусства // Он же. Ночные мысли. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – С. 47—68; Муратов П.П. Византийская живопись // Там же. С. 152—174; Флоровский Г. Пути русского богословия. – Paris: YMCA-PRESS, 1983. – С. 1—30; Раммонорт П.А. Древнерусская архитектура. – СПб.: Стройиздат, С.-Петербургское отделение, 1993 и др.

⁸ Ср.: Тойнби А. Дж. Постигание истории: Пер. с англ. / Сост. А.П. Огурцов; Вступ. ст. В.И. Уколовой; Заключ. ст. Е.Б. Рашковского. – М.: Прогресс, 1991. – С. 358—438.

⁹ Пример: сопротивление петровским реформам в русской культуре конца XVII – начала XVIII в. или сопротивление американской массовой культуре во многих европейских, латиноамериканских и азиатских культурах в конце XX – начале XXI в. См.: Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. – М.: Культурная революция, 2006. – С. 87—133.

¹⁰ Элиас Н. Общество индивидов. – М.: Праксис, 2001.

в которой рождаются и «отстаиваются», «отсиживаются» первые образцы новых изобретений, для которых жесткий мейнстрим современной культуры может быть поначалу губительным. Однако наследие и само по себе может рассматриваться как инновативная ментально-материальная область, в рамках которой когнитивные процессы отбора наиболее важных культурных образцов могут приводить к рождению принципиально новых образов ментального и материального миров.

Существенна связь между пониманием наследия как потенциально инновативной области и кризисными, переломными, революционными историческими эпохами. Замечено, что в такие эпохи борющиеся стороны пытаются в своей нешуточной «не на жизнь, а на смерть» борьбе призвать на помощь образ наследия, стремятся подкрепить и укрепить свои идеологические позиции фундаментальной ссылкой на созвучие и схожесть своего революционного дела с «заветами отцов» или же со «славными деяниями» в недалеком или далеком прошлом. Подобная идеологическая тяга усиливается в ходе кризиса и сразу после него, в период, когда устанавливаются новые социально-политические, социокультурные и социально-экономические традиции. Так в ходе гражданской войны Москва была уставлена временными памятниками борцам за свободу прошлых исторических эпох. В это же время национализация имущества «бывших» привела под лозунгом охраны наследия к организации государственных музеев, хотя значительная часть культурного наследия в ходе национализации была просто разграблена, уничтожена, разворована и сожжена, а после того, как сформировался советский культурный канон¹¹, отношение к культурному наследию резко изменилось в худшую сторону.

Всякая новая традиция нуждается в идеологической опоре. Такой опорой часто может быть «безотказная» идея наследия (как правило, понятие и образ наследия в такие эпохи может сильно расширяться, а современников может интересовать не только национальное наследие, но и наследие других эпох и культур, созвучное данной эпохе¹²) – хотя бы она понималась очень по-разному различными идеологическими группировками и противниками. Именно таков был «спор о старом и новом» в абсолютистской Франции XVII века, именно так служила идея республиканского римского наследия вождям Великой французской революции, а чуть раньше – отцам-основателям Соединенных

¹¹ См.: Паперный В. Культура Два. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Новое литературное обозрение, 2006.

¹² Пример – творчество Александра Блока в предреволюционные и революционные годы в России: поэт остро ощущал одновременно и кризис, «крушение гуманизма», и необходимость революционных преобразований, аналог которым он пытался искать в других исторических эпохах с их мнимыми или реальными героями (например, в римской эпохе и восстании Катилины). См. также: Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов. – М.: Водолей Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006. – С. 27, 42–44, 74.

Штатов Америки (в этом случае была важна и имперская римская традиция, а также идея древнегреческой демократии¹³). Таким образом, вопрос о наследии (вернее, целый «пучок» вопросов – что это за наследие, чье оно и для кого и чего?) может быть одним из краеугольных вопросов всякой кризисной исторической эпохи, на культурных и цивилизационных переломах, когда под глобальным вопросом оказывается сама идентичность культуры, ее способность к выживанию и развитию¹⁴.

Наследие – образ, выполняющий не только специфические защитные культурные функции или же функции идеологического подкрепления в ходе формирования новой традиции; он явно связывает разные культуры – чаще всего разновременные, разделенные в историческом времени веками и тысячелетиями, а иногда разделенные и в географическом пространстве. Здесь в действие вступает *культурная память*. Она опирается на собственные механизмы воспроизводства, как сакрального, так и профанного происхождения¹⁵. Подобные механизмы являются избирательными. Культура не запоминает все, она не может этого сделать даже не в силу технической невозможности и непредставимой трудоемкости (хотя таковые факторы являются очень существенными, а на ранних этапах развития попросту решающими¹⁶). Главное – культурная целесообразность. Всякая культура стремится продлить во времени и удержать, расширить в пространстве лишь то, что феноменологически определяет и представляет ее целостный образ, фундаментальные черты такого образа (хотя бы даже опосредованно, с помощью наследия другой, предшествующей древней культуры¹⁷). Удержать то, что всякий раз воспроизводит главные цели ее существования во всей ощущаемой человеческими чувствами и разумом полноте.

Наследие пребывает в культурной памяти, как потенциальная возможность, ибо образ наследия возникает в культуре лишь там и тогда, где и когда появляется онтологическая необходимость сжать, «упаковать», сохранить и даже «растянуть» как

¹³ См.: Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. – М.: Издат. группа «Прогресс» – «Литера», 1994; *Токвиль А. де*. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Издат. группа «Прогресс» – «Литера», 1994.

¹⁴ См., например: *Шорске К.Э.* Вена на рубеже веков: Политика и культура. – СПб.: Издательство имени Н.И. Новикова, 2001. Классические образы подобной переломной идеологической и культурной ситуации представлены, например, в таких разных произведениях, как поэма А. Блока «Скифы» и стихотворение О. Мандельштама «Декабрист».

¹⁵ *Хальбвакс М.* Социальные классы и морфология. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 111–183; *Ассман Я.* Указ. соч. С. 50–93.

¹⁶ Ср.: *Лотман Ю.М.* Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. – М.: Наука, 1987. – С. 3–12.

¹⁷ *Иванов Вяч., Гершензон М.* Указ. соч. С. 42–45; также: *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI–начала XVIII века. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996; *Мельников Г.П.* «Этнославизм» в культурно-политической концепции Карла IV // Славяне и их соседи. Вып. 8. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. – М.: Наука, 1998. – С. 74–80.

можно дольше почитаемое и уважаемое прошлое и его видимые и ощущаемые здесь-и-сейчас признаки. В свою очередь, актуализируемый и «мобилизуемый» образ наследия упорядочивает, оформляет культурную память, «очищает» ее от ненужных воспоминаний и переживаний, «несвоевременных» культурных аллюзий и одновременно выстраивает ментальные планы и последовательности, приоритеты в оценке различных культурных памятников и ценностей¹⁸. Признаком такого «внутреннего», зачастую мало заметного взаимодействия культурной памяти и образа наследия, может быть явление пассаизма¹⁹. Пассаизм иногда сопровождается так называемыми «национальными возрождениями», «возвращением к корням», культурно оформленной тоской по «золотому веку»²⁰, развитием традиционализма в культуре. Процессы подобной «упаковки» прошлого могут быть также «лакмусовой бумажкой», идентификатором начала процессов быстрой модернизации, ускорения темпов общественного развития, когда значительная часть общества испытывает насущную потребность в прочных культурных основаниях в идеализируемом «старом добром прошлом» перед лицом надвигающихся со все увеличивающейся скоростью тотальных перемен, чьи последствия – социальные, политические, культурные, экономические – еще во многом не ясны.

Итак, можно довольно четко совместить рождение модерна – первых признаков появления современного мира (приблизительно вторая половина XV в.) с появлением и оформлением образа наследия, как бы регулирующим отношения быстротекущего настоящего с все более отдаляющимся, с все более «зыбким» прошлым, чьи интерпретации становятся все более широкими и вероятностными. Рождение и развитие национальных государств, наций и национализма в современном понимании²¹ актуализировало проблему национального наследия²². Это в свою очередь привело к возникновению пространственных интерпретаций образа наследия, увязываемого теперь с вопросом «крови и почвы», «родной земли», автохтонных культурных ландшафтов, послуживших местом рождения и ставших естественным месторазвитием (неологизм

¹⁸ Ср.: *Августин А.* Исповедь. – М.: Ренессанс, СП ИВО, 1991. – С. 243—255; *Ортега-и-Гассет Х.* Две главные метафоры // *Он же.* Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – С. 203—218.

¹⁹ См.: *Адамович Г.В.* О слове «пассаизм» // *Он же.* Одиночество и свобода. – М.: Республика, 1996. – С. 380—382.

²⁰ *Сарабянов Д.В.* Стиль модерн. – М.: Искусство, 1989; *Джонстон У.М.* Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848—1938 гг. – М.: Московская школа политических исследований, 2004.

²¹ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001; *Смит Э.Д.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А.В. Смирнова и др.; общ. ред. А.В. Смирнова. – М.: Праксис, 2004; *Hage G.* The spatial imaginary of national practices: dwelling – domesticating/being – exterminating // *Environment and Planning D: Society and Space.* – 1996. Vol. 14. – P. 463—485. Ср.: *Трубецкой Н.С.* Общеευразийский национализм // *Он же.* История. Культура. Язык. – М.: Издат. группа «Прогресс», 1995. – С. 417—428.

²² См., например: *Певзнер Н.* Английское в английском искусстве. – СПб.: Азбука-классика, 2004.

евразийцев, прежде всего П.Н. Савицкого²³) для определенных народов и этносов. С начала XX в. краеведение (иногда использовался термин «родиноведение») становится одной из органичных когнитивных опор в исследованиях национального и регионального наследия во многих странах Европы, части стран Азии и Америки²⁴.

Когда образ наследия начинает сопрягаться с понятиями территории, пространства, культурного ландшафта, географического образа, региональной идентичности, то сама проблематика культурного и природного наследия постепенно конкретизируется с помощью различного рода классификаций и иерархий культурных и природных памятников, характерных для исследуемых территорий и соответствующих именно этим культурным ландшафтам и регионам²⁵. Культурные идентичности проживающих в стране, области, местности сообществ становятся во многом связаны с теми культурными символами и артефактами, которые признаны наследием данной территории²⁶. В случае разрушения или утраты какого-либо важного в символическом плане культурного памятника образ наследия становится фактически решающим в деле его непосредственного материального восстановления на том же месте – хотя бы даже достижение полной материальной аутентичности, исходя из тех или иных обстоятельств (политических, историко-культурных, технологических, экономических и т. д.), не представляется возможным (как это случилось, например, с восстановлением храма Христа Спасителя в Москве в 1990-х гг.).

Пространство в течение XX в. становилось той питательной средой наследия, которая активно изменяет его содержательные трактовки²⁷. Память о тех или иных

²³ Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997.

²⁴ См. также: Hage G. The spatial imaginary of national practices: dwelling – domesticating/being – exterminating // *Environment and Planning D: Society and Space*. – 1996. Vol. 14. – P. 463–485.

²⁵ См.: Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина. – М.: Институт наследия, 2005.

²⁶ См., например: Фрай Р. Наследие Ирана. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971; Рус А., Рус Б. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. – М.: Энигма, *evidentis*, 1999; Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. – М.: Издат. группа «Прогресс» — «Культура», 1995; Он же. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1999 и др. Принципиально важные публикации: Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999; Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. – СПб.: Владимир Даль, Русский остров, 2004.

²⁷ См., прежде всего: Флоренский П.А. Абсолютность пространственности // Он же. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. – М.: Мысль, 2000. – С. 274–296; Он же. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях // Он же. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. – М.: Мысль, 2000. – С. 81–259; Он же. Значение пространственности // Он же. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. – М.: Мысль, 2000. – С. 272–274; Он же. Обратная перспектива // Он же. Соч. в 2-х т. Т. 2. У водоразделов мысли. – М.: Правда, 1990. – С. 43–109; Он же. Храмовое действо // Иконостас: Избранные труды по искусству. – СПб.: Мифрил, Русская книга, 1993. – С. 283–307; Генон Р. Царство количества и знамения времени // Он же. Избранные сочинения: Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. – М.: «Беловодье», 2003. – С. 32–39, 135–145; Он же. Символика креста. – М.: Прогресс-Традиция, 2004; Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. – СПб.: Наука, 2000; Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. – М.: Медиум, 1996.

известных людях, живших в данной местности, сохранившиеся артефакты их деятельности, сами места и дома, где жили, бывали, действовали эти люди; места знаменательных исторических событий (битв, переговоров, встреч, политических решений и т. д.) кардинальным образом трансформируют восприятие территории, создавая иные ментальные планы восприятия и конструирования наследия, способствуя созданию и развитию ассоциативных ландшафтов, невозможных ранее образов территории.

Понятие и образ наследия постепенно приобретают большую многомерность, большую объемность и, тем самым, обретают собственные двигатели и источники саморазвития. При этом конкретное географическое пространство в контексте ассоциативно-ландшафтного и образно-географического наследия может восприниматься и ощущаться и как наследие само по себе, и как культурный символ масштабной общественной значимости²⁸. Именно это произошло в XVI – XX веках с образом российских пространств, чьи физико-географические размеры были осмыслены и культурно трансформированы в рамках сначала европейской, а затем и собственно российской ментальности²⁹.

Подобный когнитивный переворот в понимании содержательной сущности наследия, а также особенностей развития его образа в культуре, означает, что наследие может само по себе быть движущей силой, серьезным социально-экономическим, политическим фактором развития отдельных регионов и целых стран³⁰. Кроме того, наследие, обладая внутренними «пружинами» саморазвития, может способствовать формированию влиятельных культурных, социальных и экономических институтов в обществе, становясь тем самым и элементом социального, культурного и политического престижа различных групп и сообществ, которые используют процессы институционализации наследия³¹. Подобные процессы были во многом инициированы развернувшейся в последней четверти XX века интенсивной глобализацией и затронули пока лишь небольшое количество высокоразвитых в социально-экономическом плане

²⁸ Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999; *Schama S.* Landscape and Memory. – New York: Vintage Books, 1996; *Замятин Д.Н.* Историко-культурное наследие Севера: моделирование географических образов // Обсерватория культуры. – 2007. – № 3. – С. 62–67.

²⁹ Хрестоматия по географии России. Образ страны: Пространства России / Авт.-сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин; Под общ. ред. Д.Н. Замятиной; Предисл. Л.В. Смирнягина; Послесл. В.А. Подороги. – М.: МИРОС, 1994; Империя пространства. Геополитика и геокультура России. Хрестоматия / Сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.

³⁰ Что проявляется в современную эпоху, безусловно, в первую очередь, в быстром развитии культурного туризма и туризма наследия.

³¹ См. также: *Веденин Ю.А., Шульгин П.М., Штеле О.Е.* Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации // Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 13. – М.: Институт наследия, 2006. – С. 4–101.

стран и территорий. Тем не менее, семантика и прагматика социально-экономического и политического смысла конструирования и поддержки ассоциативных культурных ландшафтов и географических образов территорий будут достаточно быстро упрощены. Они станут когнитивной основой широкого развития ландшафтной и образной индустрии наследия, которая затрагивает интересы большинства политически и, с точки зрения экономического управления, институционализированных территорий³².

«Зеленый» туризм, экологический туризм, сельский туризм, в меньшей степени экстремальный туризм, появление и развитие винтажа, тесно соприкасающееся с воспроизводством культурного и социально-экономического престижа отдельных общественных страт – все это одновременно и общественные, и культурные индикаторы. Они указывают на то, что образ наследия в культуре претерпел решающую ментальную трансформацию, став из некоей пассивно-защитной оболочки культуры активным элементом образа динамичных человеческих сообществ, осознавших наследие как максимально благоприятную социально-психологическую «установку», позволяющую коренным образом менять институциональные структуры освоенных пространств и территорий – через сами структуры ландшафтных и образно-географических представлений³³.

Эффективная, успешная институционализация наследия, понимание его роли в развитии культуры и общества связано с тем символическим капиталом, который оно может формировать или способствовать его формированию³⁴. По сути дела, любой крупный, значимый для страны, территории, города, местности социально-экономический, культурный или политический проект можно осмыслять, воображать через призму «живого наследия». Это значит, что строительство нового здания, реформирование какого-либо общественного института, преобразование муниципального управления, ликвидация или создание новой для территории общественной или государственной структуры, новый проект музеефикации или национального парка могут осознаваться как потенциальное наследие, как «фонд наследия» территории, здесь-и-сейчас меняющий ее образ и ее культурный ландшафт и, тем самым, наращивающий ее

³² См., например: *Замятин Д., Замятина Н.* Имиджевые ресурсы территории: идентификация, оценка, разработка и подготовка к продвижению имиджа // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д.Н. Замятин. Вып. 4. – М.: Институт наследия, 2007. – С. 227—250; также: *Studying Cultural Landscapes* / Ed. By I. Robertson and P. Richards. – New York: Oxford University Press, 2003.

³³ См., например: *Chang T.S.* «Configuring new tourism space»: exploring Singapore's regional tourism forays // *Environment and planning*. – 2001. – Vol. 33. – № 9. – P. 1597—1620.

³⁴ *Бурдые П.* Практический смысл. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 219—238; также: *Замятин Д.Н.* Формирование культурно-географических образов города и проблема его переименования // *Возвращенные имена: идентичность и культурный капитал переименованных городов России*. – Нижний Новгород: IREX и Профессионалы за сотрудничество, 2004. – С. 47—48.

символический капитал³⁵. Несомненно, такой методологический подход требует и разработки различных образно-географических, когнитивно-географических и ландшафтных контекстов, адаптированных к тем или иным культурным типам территорий, обладающих различными традициями сохранения и использования наследия³⁶.

Наследие как символический капитал есть постоянно возрастающий, прибавляющийся сам к себе и в себе образ. И если исходить из образно-экономической аналогии понятия капитала, то в процессе этого символического возрастания происходит обмен различных культурных образов и символов, в котором, по сути, всегда некая признаваемая реальной, ментально-материальная субстанция, вещь, здание, артефакт становится как бы утраченной, полностью или частично, для полноценного настоящего культурного пребывания и функционирования. Она как бы отодвигается на безопасное образное расстояние от современных и не всегда понятных с точки зрения прошлой традиции культурных процессов, приобретает необходимый для «настоящего наследия» привкус утраты, некоей невозвратимой потери, связанной попросту с течением времени в данной культуре³⁷.

Далее может происходить как бы возвращение этого утраченного наследия в современную культуру: посредством обыгрывания образа исторической утраты и бренности материального мира перед лицом вечности. Таков великий образ руин, замечательно освоенный Веком Просвещения³⁸, прежде всего литературой сентиментализма, офортами Пиранези и его последователей³⁹, английским садово-парковым ландшафтным искусством⁴⁰. Возвращение в современную культуру может произойти и с помощью скрупулезного, детального воспроизведения каких-либо

³⁵Интересный пример использования символического капитала территории в контексте «живого наследия»: см.: *Штеле О.Е.* Социально-культурный проект «Гора «Урал»» // Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 13. – М.: Институт наследия, 2006. – С. 147—156. Хорошо известный пример – строительство музея Гуггенхайма по проекту знаменитого архитектора Фрэнка Гери в Бильбао (Испания) кардинально изменило образ этого города и привлекло в него мощные туристические потоки; это, в свою очередь, привело к созданию развитой культурной и туристической инфраструктуры, индустрии наследия, к становлению Бильбао как значительного центра на культурной карте Европы.

³⁶ Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1—4. – М.: Институт наследия, 2004—2007.

³⁷ Ср.: *Лоуэнталь Д.* Указ. соч.

³⁸ *Зиммель Г.* Руины // Он же. Избр. соч. Т. 2. – М.: Юрист, 1996; *Ортега-и-Гассет Х.* Камень и небо. – М.: Грант, 2000. – С. 80—82; *Шарль-Луи Клериссо*, архитектор Екатерины Великой. Рисунки из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. – СПб.: Славия, 1997; *Соколов Б.М.* Язык садовых руин // *Arbor mundi / Мировое древо.* – 2000. – № 7. – С. 73—106.

³⁹ *Муратов П.П.* Образы Италии. Т. II, III. – М.: Галарт, 1994. – С. 89—97; *Эйзенштейн С.М.* Неравнодушная природа. Т. 2. О строении вещей. – М.: Музей кино, Эйзенштейн-Центр, 2006. – С. 150—193.

⁴⁰ *Юнгер Ф.Г.* Итальянский, французский и английский парки // Он же. Запад и Восток: эссе. – СПб.: Наука, 2004. – С. 262—338; *Пановский Э.* Идеологические источники радиатора «роллс-ройса» // Певзнер Н. Указ. соч. С. 263—272; *Лихачев Д.С.* Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. – СПб.: Наука, 1991.

технологий прошлого – будь то исполнение старинных музыкальных произведений в соответствующих интерьерах на аутентичных этим эпохам музыкальных инструментах, предварительно бережно воссозданных по старым техническим рецептам, или же работа на подлинном ткацком станке XIX века.

Так формируется новый образ наследия, в котором символ утраты, невосполнимой потери становится важным элементом самодвижения, саморазвития, расширения этого образа. Пусть даже непосредственные и постоянно происходящие печальные утраты объектов материального наследия – в силу ли обычной ветхости памятника, нерадивости или же неполноценности его охраны, опоздания своевременной реставрации – затеняли, «затемняли» или же отодвигали на задний план этот культурный процесс⁴¹.

Примерно также, с помощью образно-символического взаимодействия, условно направленного в представляемое здесь-и-сейчас прошлое, наращивается образ места, территории, увеличиваются масштабы ассоциативных культурных ландшафтов – происходит символическое и сакральное присвоение пространства путем его образного расширения в рамках парадигмы самодвижущегося, саморазвивающегося наследия, как бы перемещающего прошлое в будущее посредством образно-символических и сакральных трансформаций современного пространства; настоящее тем самым приобретает свои собственные и самоценные культурные координаты, «заземленные» в конкретной местности. Всякое бывшее в прошлом событие, от которого не осталось никаких собственно материальных следов, может быть обыграно в пространстве, местности, разработано новыми культурными ландшафтами и образами: памятными знаками, ритуалами, празднествами, народными гуляниями, культурными конкурсами, памятными чтениями, хэппенингами, вновь создаваемой планировкой, оригинальной архитектурой новых зданий и т. д. Образ наследия сближает понятия сакрального и профанного. С одной стороны, он приближает к современному сознанию, объясняет ему часто мало понятное сакральное значение культурного или природного памятника,

⁴¹ Ср.: «Конечно же, ландшафт должен нести на себе отпечатки событий человеческой истории и ассоциироваться с живущими людьми, но эти отпечатки и ассоциации должны ослабевать и забываться в полном соответствии с памятью поколений. Так, старики в резервации Ислета пересказывают древние истории, но не желают их записывать: «Если эти истории не будут больше рассказываться, значит, в них уже не будет нужды». Именно такое отношение я считал бы разумным в отношении истории окружения. Когда речь идет о научном исследовании, нужны раскопки, записи и научное хранение. Когда же речь идет об обучении, я предложил бы ничем не ограниченный театрализованный тип воспроизведения. Для усиления сегодняшних ценностей и чувства потока времен я бы применял «временной коллаж» – творческое соединение разрушения и добавления, а в тех случаях, где в игру входят персональные отношения, я считаю естественным сохранение отпечатков столь же избирательно и нестойко, как это делает сама память. Чтобы эффективно сохранять, мы должны знать, зачем и для кого сберегается прошлое. Творческое оперирование переменами и активное использование остатков прошлого в целях настоящего и будущего предпочтительнее затаенному в корсет почтению перед святой святых – прошлым. Прошлое следует выбирать и менять, его следует творить в настоящем, чтобы облегчить сооружение будущего» (Линч К. Образ города. – М.: Стройиздат, 1982. – С. 163).

знаменательного местного события⁴²; с другой – в его рамках возможна организация внешне профанных «мероприятий» (народных празднеств, гуляний), ориентированных на очевидную сакрализацию традиционного, обыденного культурного ландшафта местности.

Наследие как образ в культуре вынуждено и должно опираться на образ не-наследия, на образ культуры или цивилизации, которая не осознает пределы собственного пространства и времени, или же оставляет их без всякого «присмотра» и наблюдения, не мысля собственной протяженностью как уникальной и неповторимой вечностью. Это не значит, что подобные культуры и цивилизации (чаще всего, в нашем понимании, это первобытные культуры) не уникальны и что они не обладают своеобразным наследием. Они формируют ментальные структуры и образы с нерядоположенными, с непоследовательными, с хаотическими для внешнего наблюдателя свойствами, где прошлое вкладывается в будущее «один в один», соответствует ему досконально и точно, оно постоянно, как и будущее, находится в настоящем, и смысл самого образа и понятия наследия «внутри культуры» так и не возникает⁴³. Опыт и достижения культур и цивилизаций «без наследия» и «вне наследия» может говорить нам лишь о том, что образ наследия в культуре, с одной стороны, является историко- и культурно-географическим феноменом, типологически не обязательным для человеческих культур вообще, а, с другой стороны, он может восприниматься и пониматься как необходимое когнитивное условие для выхода культуры или цивилизации в онтологическое пространство потенциально возможного «культурного бессмертия».

⁴² Кэмпбелл Дж. Мифический образ. – М.: АСТ, 2002; Лаевская Э.Л. Мир мегалитов и мир керамики. Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы. – М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 1997; Шукуров Ш.М. Образ храма. – М.: Прогресс-Традиция, 2002; Фадеева Т. Образ и символ. Универсальный язык символики в истории культуры. – М.: Новалис, 2004; Studing Cultural Landscapes / Ed. By I. Robertson and P. Richards. – New York: Oxford University Press, 2003.

⁴³ Леви-Строс К. Печальные тропики. – Львов: Инициатива; М.: АСТ, 1999.